

ВВЕДЕНИЕ

Пережившие время произведения культуры в значительной степени привлекательны тем, что в них находят свое символическое выражение присущие многим людям паттерны переживаний и проявления психики. Это наиболее актуально в отношении литературных произведений, оперы, так называемых культовых фильмов и (в особенности) сказок и хороших детских книг⁴. Внешне богатство психических символов проявляется в том, что такие произведения можно (и нужно) пересматривать, переслушивать или перечитывать. Наша жизнь изменчива: люди, цели, задачи и потребности приходят и уходят; однако такие произведения в символической и языковой форме отражают то, что нами движет — более или менее неосознанно — по ту сторону повседневности, т. е. за видимой стороной нашей жизни. В этих историях мы можем отдаться подобным проявлениям и пережить символическое удовлетворение, некий катарсис.

ТРИАНГУЛИРОВАННЫЕ ОБЪЕКТНЫЕ ОТНОШЕНИЯ⁵

Таким основанным на синтезе искусств художественным феноменом с невероятной силой символизации является древнегреческая мифология и связанная с ней античная трагедия. Неудивительно, что Зигмунд Фрейд позаимствовал основную часть своей психоло-

⁴ См.: Bettelheim, 1975; Figdor, 1994c, 2007a; Zwettler-Otte, 1994, 2002.

⁵ В психоанализе под «объектными отношениями» понимаются «внутренние образы» реальных внешних отношений субъекта со своими «объектами» (референтными лицами, с которыми у него имеется тесная эмоциональная связь). Эти внутренние образы содержат субъективные остаточные переживания отношений с объектами, а также фантазии о них и об их отношениях друг с другом.

гии бессознательного именно из нее, а конкретнее — из сюжета об Эдипе. В нем находят отражение почти все эмоционально значимые моменты в жизни человека:

- ❖ соперничество между мужчинами (отцом и сыном);
- ❖ амбивалентность любви и ненависти (Иокаста и Лай любят своего сына и избавляются от него; они хотят убить его, но все же организуют его спасение; Эдип любит Иокасту и ненавидит ее...);
- ❖ конфликт между влечением и моралью (любовь матери к сыну, противопоставленная табу на инцест);
- ❖ проблема идентичности («Кто я? Кто мои родители?»);
- ❖ напряженность между приемными и биологическими родителями, одновременно являющаяся метафорой напряженности между внешним и внутренним, осознанными и неосознанными отношениями;
- ❖ и роковая власть бессознательных страстей (оракула) над нашей сознательной жизнью.

Конечно, Фрейд вывел эти особенности психики не из интерпретации сюжета об Эдипе, а из опыта работы со своими пациентами (и самоанализа), благодаря которым ему открылась особая динамика, присущая треугольнику «отец — мать — ребенок», а также ее актуальность на протяжении всей жизни (т. е. Эдип — это не «образец» психоаналитической теории, а лишь *метафора*: часто их путают).

Но триада «отец — мать — ребенок» является лишь первой (и, кроме того, зависящей от культуры) формой целого ряда треугольников отношений, определяющих социальные рамки эмоциональной жизни человека:

- ❖ отец — мать — ребенок;
- ❖ родители — дети — воспитатели/учителя/прочие взрослые;
- ❖ родители — ребенок — другие дети;
- ❖ родители — дети/подростки — друзья/партнеры;
- ❖ муж — жена — родители;

- ❖ мужчина — женщина — профессия;
- ❖ мужчина — женщина — соперник (соперница);
- ❖ мужчина — женщина — ребенок;
- ❖ родители — ребенок — общество;
- ❖ индивидуум — семья/группа — внешний враг/посторонний человек.

Если рассматривать эти конstellации отношений исключительно с внешней стороны — например, с точки зрения социальной роли, — то акцент на структуре треугольника может показаться произвольной абстракцией, потому что с таким же успехом можно построить квадраты или пятиугольники. Однако не в случае, когда речь идет о психических репрезентациях, т. е. о внутренних образах этих разветвленных («объектных») отношений: интрапсихически «триангуляция объектных отношений» или, другими словами, треугольник как интериоризованный паттерн отношений, является «структурной» предпосылкой для усвоения индивидуумом — то и дело конфликтной — сложности социальных отношений. Любые удовлетворительные, стимулирующие, т. е. не подавляющие субъекта и допускающие автономию отношения предполагают следующее:

- ❖ существование диады⁶, обеспечивающей чувство защищенности;
- ❖ способность поддерживать эмоциональные отношения более чем с одним человеком («объектом») *одновременно*, даже если субъект в настоящее время имеет отношения только с одним из объектов;
- ❖ способность переносить (временное) исключение из треугольника, т. е. вместо главного становиться (исключенным) «третьим», *не* теряя эмоционального контакта с объектами и особенно чувства надежной привязанности к диадическому объекту;
- ❖ и наконец, следует отметить, что любые объектные отношения, в свою очередь, интегрированы в один или несколько тре-

⁶ Боулби говорит о *безопасной привязанности*.

угольников объектных отношений и получают особое значение через включение соответствующего «третьего», это означает, что в итоге субъект также определяет себя в треугольнике. Например, я определяю себя в триаде «я — ребенок — жена» иначе, чем в триаде «я — семья — начальник». Такое триадное самоопределение является в том числе предпосылкой для умения соответствующим образом вести себя в рамках различных социальных ролей.

ВАЖНОСТЬ ТРИАНГУЛИРОВАННЫХ ОБЪЕКТНЫХ ОТНОШЕНИЙ ДЛЯ ПСИХИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

В нашей культуре первый треугольник объектных отношений построен на расширенной, за счет включения отца, диаде «ребенок — мать». Он облегчает ребенку разрыв ранних «симбиотических отношений» с матерью, восприятие и выражение агрессии, переживание или преодоление страха разлуки и возмездия, выдерживание амбивалентности, различение собственных и чужих эмоций и фантазий, а также конкуренцию; дает защиту от пугающей близости; компенсирует недостатки в отношении к тому или иному объекту; способствует формированию гендерной идентичности; облегчает овладение эмоциями (прежде всего разрушительными) и поддержание баланса между регрессивными и прогрессивными тенденциями; повышает уверенность в себе и шансах на собственное развитие.

Однако речь при этом идет не только о приобретении безопасности и автономии в «эдипальных» отношениях нуклеарной семьи, а о том, что каждый из этих этапов развития также облегчает ребенку завоевание новых объектов — например, воспитателей, учителей, друзей и т. д. Точно так же, как отец в качестве «другого» изначально противопоставлялся объектным отношениям с матерью, это положение «другого», «третьего» теперь занято

новыми объектами по отношению к объектным отношениям с родителями⁷.

НУКЛЕАРНАЯ СЕМЬЯ ПРОТИВ НОВЫХ ФОРМ СЕМЬИ

Триангуляция понималась здесь как интрапсихический процесс. Само собой разумеется, что для нее требуется наличие соответствующих внешних отношений. При отсутствии отца (в семьях с одним родителем) или его потере по причине смерти, расставания или развода процесс внутренней триангуляции также не может иметь место или затрудняется, нарушается или откладывается, что может привести к задержкам развития, трудностям социальной адаптации и патологиям.

Если триаде «мать — отец — ребенок» приписывается столь решающее значение для психического развития, а также с учетом негативных долгосрочных последствий расставания родителей, возникает вопрос о долгосрочных последствиях: означает ли это, что с точки зрения нормального психического развития детей *нуклеарная семья* (а точнее, ее сохранение) должна считаться бесспорно лучшей в сравнении с расставанием (разводом) или альтернативными формами семьи?

Если бы такой вывод оказался верным, он повлиял бы не только на социальную оценку развода и расставания. Тогда любые усилия специалистов по оказанию помощи детям расстающихся родителей должны были бы сводиться к максимально возможной минимизации ущерба, а пострадавшие дети подвергались бы

⁷ Здесь также может быть впечатляюще продемонстрирована функция определения треугольника: «отец», «мать», «я» являются совершенно разными понятиями, в зависимости от того, движется ли ребенок эмоционально внутри эдипальной триады или направляет свое внимание «наружу».

социальной стигматизации: расставание родителей являлось бы эквивалентом явного психического нарушения.

В *главе 1* рассматривается значение триады для психического развития и освещается сложная функция отца как «третьего» объекта.

В *главе 2* поднимается вопрос о том, что означает для детей нарушение внешних рамок треугольных объектных отношений, т. е. триады «мать — отец — ребенок». Среди прочего, в этой главе я пытаюсь показать, что было бы научно-теоретической ошибкой пытаться вывести из значения триады для психического развития безусловное преимущество нуклеарной семьи; но что — при всем уважении к альтернативным формам семьи — также было бы опасно пренебрегать важностью первичной триады.

В *главе 3* я в виде тезисов излагаю то, каким должен быть «успешный» развод или расставание родителей, чтобы, несмотря на него, гарантировать детям оптимальные возможности развития. Мои «Восемнадцать рекомендаций и советов» задуманы как своего рода программа для специалистов, чтобы те, с учетом поручений суда, родителей или других лиц, не упускали из виду то, что на самом деле нужно детям, чтобы в достаточной мере справиться с семейным кризисом. Вторая часть этой главы называется «Почему родителям иногда так сложно следовать этим рекомендациям и советам». Ее можно рассматривать как совет специалистам идентифицировать себя не только с пострадавшими детьми (которые чаще всего отсутствуют на консультациях), но и с их родителями. Если такая двойная идентификация не увенчалась успехом, существует опасность, что наши разъяснения о том, что нужно детям, не будут восприняты родителями (подробнее об этом — в части II).

И наконец, в *главе 4* рассматривается крайняя форма переживания детьми расставания в случае потери отца и матери.